

УДК 327(575.2)

К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРАХ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В.В. Панков

Рассмотрены вопросы влияния мировых и региональных лидеров на Центральноазиатский регион, особое внимание уделено механизмам и причинно-следственным связям участия Российской Федерации в векторе политической ориентации Кыргызской Республики.

Ключевые слова: Центральноазиатский регион; Российское присутствие; воздействие на регион; стратегии влияния; дестабилизирующие факторы; дезинтеграция; партнерские отношения.

TO THE ISSUE OF FOREIGN POLICY PRIORITIES OF THE KYRGYZ REPUBLIC AT THE PRESENT STAGE

V.V. Pankov

The article is devoted to the impact of global and regional leaders in the Central Asian region, it focuses on mechanisms and causal relations of the Russian Federation's participation in the political orientation of the vector of the Kyrgyz Republic.

Keywords: the Central Asian region; the Russian presence; impact on the region; the impact of strategies; destabilizing factors; disintegration; partnerships.

Проходя стадии государственного становления, Кыргызстан неизбежно сталкивается с набором геополитических проблем, решение которых вызывает к жизни различные политические коллизии. Однако, признавая необходимость разрешения остро стоящих вопросов, отечественные теоретики игнорируют не только реальность в ее исторической ретроспективе, но зачастую и здравый смысл.

Не претендуя на авторство истины в последней инстанции, считаем необходимым выразить свое отношение к происходящему, а именно относительно развития внешнеполитического сектора в отечественной аналитической практике. И здесь, прежде всего, стоит говорить (вопреки уже ставшим едва ли не общепринятым мнением) о современном Кыргызстане не как об уникальной фазе политического генезиса отечественной государственности, а как об оформившейся системе регионального взаимодействия, сложившейся довольно давно, буквально несколько веков назад, при нашем (Кыргызстана) сравнительно пассивном участии.

Суть вопроса – интерес к Центральноазиатскому региону в условиях соревнования супердержав за мировую гегемонию. Последние 200 лет этот сценарий ничуть не изменился, поменялись лишь государства-участники, а точнее их названия.

Так, в конце XIX – начале XX в. основной вектор развития составило противостояние Российской и Британской империй, рассматривающих указанный регион как некую буферную зону в разделе своих интересов. Однако усилившееся влияние региональных лидеров (прежде всего Китая) эскалировало экспансию. Тем не менее сформировался второй эшелон воздействия на регион: с востока – Цинская империя, с запада – исламский мир, прежде всего Коканд. (Заранее оговоримся, что речь идет о политических акторах, а не о религиях). Не стоит сбрасывать со счетов региональных соседей Кыргызстана: казахские джызы на севере, пуштунские племена – на юге. Вот под этими тремя этажами историко-политического конструкта прошло взаимодействие кыргызских родов кочевников с тюрко-славянским миром оседлых земледельцев, драматичное и многогранное по сути, но не слишком влияющее на реализацию интересов крупных держав. Здесь интересно не то, что необходимость принятия сторон в конце концов вылилась в дихотомию противостояния России и Англии. Интересно то, что спустя века мы видим ситуацию, совершенно не изменившуюся в сути своей.

Следует признать, что благодаря распаду СССР Кыргызстан едва ли не впервые приобрел

свою государственность и начал создавать видимость наличия самостоятельной внешней политики. Действительно, ушла в историю архаика кочевого образа жизни, оставив культуру и ментальность, удачно вписавшуюся в ментальность “советского человека”. Достигнуты некоторые успехи в экономике...

Но в целом все осталось по-прежнему. Наследник Британской империи – США – стремится укрепить свое изрядно пошатнувшееся положение в регионе. Наследник Российской империи – Российская Федерация – все громче заявляет свои претензии на мировое лидерство, постепенно реставрируя свои позиции, в том числе и в Центральной Азии. Наследник Цинской империи – КНР – все так же методично продвигает свою политику и свои интересы в регионе, медленно, но верно втискивая их между “молотом и наковальней” сильных мира сего. Давно нет марионеточного Кокандского ханства, но его роль успешно выполняют страны Ближнего Востока и Турция. По-прежнему все так же неспокойно на юге и свысока поглядывают с севера.

Так было всегда. И последние четверть века убедительно показывают, что так будет и дальше (реальная история не очень склонна ориентироваться на конъюнктуру и с большой фантазией написанные учебники истории). Выход из создавшейся ситуации подсказывают периоды относительной стабильности (времена СССР), однако тесные и дружественные отношения с РФ сегодня приобретают некоторую неоднозначную окраску. Во-первых, необходимо переосмысление всех реалей. Рано или поздно, но мы – кыргызстанцы – должны перестать воспринимать Россию как бескорыстного и безусловного донора, который даст все необходимое, потому что “у него есть, а у нас нет”. Времена СССР прошли, теперь у каждого свои интересы.

Иными словами, центральноазиатские государства еще долго и по многим стратегическим, политическим, экономическим, военным и иным параметрам будут “привязаны” к России, а зачастую объективно зависимы. В то же время география и многовековая история свидетельствуют о принципиальной стратегической важности этого региона для национально-государственных интересов России. Центральноазиатские государства производят интересующие Россию виды промышленной и сельскохозяйственной продукции. В 1995 г. здесь было добыто 33 млн т нефти (включая газовый конденсат), 87 млрд м³ природного газа, 87 млн т угля, произведено 675 млн м² ткани, 5,9 млн т хлопка-сырца (это 95 % производства хлопка в СНГ), значительные объемы мяса, зерна, овощей. Центральноазиатские государства – поставщики

в Россию руты, меди, цинка, свинца, молибдена, вольфрама. Кроме того, интерес России к региону диктуется по-прежнему проживающими тут около 8 млн русских, защита законных прав и интересов которых является важным компонентом российской внешней политики [1, с. 50].

Безусловно и объективно складывается ряд сложностей, что неизбежно привлекает как сторонников, так и оппонентов российского присутствия.

Сложности российской политики в центральноазиатском регионе анализируют многие зарубежные исследователи. Р. Даннрейтер, например, полагает, что определенные политические силы в России противостоят тесным связям с Центральной Азией. В некоторых деловых кругах растет уверенность, что Россия несет в регионе тяжелое экономическое бремя, поэтому ей, прежде всего, нужно преследовать свои экономические интересы. Необходимо считаться и с позицией руководителей государств Центральной Азии, требующих полной гарантии их независимости. Российское влияние в Центральной Азии приемлемо, если только она уважает и обеспечивает политическую независимость стран региона [2, с. 41].

Стратеги Запада и идеологи трехсторонней комиссии обеспокоены тем, что возникшие на месте СССР новые государства с рыночно-ориентированной экономикой являются колоссальным дестабилизирующим фактором и лишают США их стратегического главенства (фактически – монополии). Поэтому все действия Запада имели целью экономическую дезинтеграцию стран СНГ, ослабление экономического единства внутри РФ, а далее и политическую фрагментацию евразийских государств. Такой проект предлагает З. Бжезинский (“Геостратегия для Европы”), говоря о необходимости расчленения России и о постепенном включении частей ее и других стран СНГ в три существующие зоны (американскую, европейскую и тихоокеанскую), которые таким образом расширят свои арены влияния [3, с. 786].

Как полагают многие аналитики, Российское влияние в регионе имеет тенденцию к уменьшению. Так, по мнению эксперта по проблемам Центральной Азии О. Роу, “Москва не имеет ни средств, ни желания осуществить неокOLONIALную экспансию в регионе, а также гарантировать военную защиту в случае экспансии извне” [4]. Все же как западные аналитики, так и политические и военные лидеры сходятся во мнении, что ни США, ни другие западные державы, ни НАТО, ни ООН, ни другие международные организации не в состоянии поколебать преобладающие позиции России в Центральной Азии и Закавказье [5; 6; 7, с. 80–82; 8, с. 159].

Есть только комментарии, суть которых достаточно очевидна: центральноазиатские страны нацелены на укрепление взаимовыгодных партнерских, союзнических отношений с Россией. Сейчас, в начале XXI в., нет альтернативы данному курсу [9, с. 30]. Суть вопроса понятна. Будет ли мировой лидер присутствовать в регионе. Хотя это не нравится конкурентам и вызывает негативную оценку у их отечественных апологетов. Как нам реагировать? Сначала надо понять, как будет вести себя наш партнер. Политика РФ в ЦА достаточно своеобразна – мы должны понимать, что для планируемого сотрудничества необходима адекватная база. Учитывая масштабы КР, следует ли удивляться формированию кыргызско-российских интересов по остаточному принципу российско-казахских (китайских, турецких и т. п.)?

В этой связи ставка на военное присутствие является наиболее приемлемым шагом для России. “Военное присутствие, – считает В. Парамонов, – не требует столь больших затрат, как например, развитие экономических и политических связей. К тому же оно является достаточно эффективным способом осуществления геополитических интересов. Его предпочтительность для России объясняется тем, что существует угроза экспансии исламского радикализма из Афганистана” [10, с. 157].

Казахский политолог У. Касенов считает, что наиболее принципиальным для формирующейся новой системы международных отношений в Евразии является вопрос: будет ли Россия способствовать, или, по крайней мере, не препятствовать укреплению независимости, суверенитета и территориальной целостности других постсоветских государств или будет стремиться поставить их под свой контроль, используя для достижения этой цели свои возможности крупнейшей евразийской державы [11, с. 160].

Все при этом понимают, что в общем-то закономерное желание центральноазиатских политических элит самостоятельно управлять реально (хотя и не рентабельно) осуществлялось в годы суверенитета КР, что во многом связано с временным уходом России из экономического сектора. Доля стран СНГ во внешней торговле России снизилась с 69 % в 1990 г. до 18 % в 1995 г. Надо сказать, что товарооборот России со странами Центральной Азии еще и по сей день составляет только третью часть объема торговли с бывшими среднеазиатскими республиками в рамках СССР. Несмотря на большое количество подписанных дву- и многосторонних (в формате СНГ) договоров, по-прежнему сохраняются денежно-кредитные и финансовые барьеры и ограничения в торговле, негативно влияющие на взаимные товаропотоки, прежде всего продукции

с высокой степенью обработки. Избавившись от обременительной роли “донора” для центральноазиатских государств, Россия “избавилась” и от существенной доли своей привлекательности для этих стран в качестве доминирующего партнера по сотрудничеству [12, с. 36]. Восстановление контроля над экономикой Кыргызстана в настоящее время чрезвычайно затруднено. Современная Россия не может инвестировать средства “для имиджа”, в КР нет секторов, принципиально важных для России, да и собственно нет централизованной экономики – не с кем взаимодействовать. Так как же по принципу обратного доказательства теоремы поведет себя РФ? Ответ очевиден.

В настоящее время объективно возникают условия для усиления позиций России в Центральноазиатском регионе. Хотя Россия утратила рычаги экономического влияния, но складывающаяся ситуация (особенно в связи с баткенскими событиями на юге Кыргызстана) дает возможность реанимировать ее роль здесь через военное присутствие. Но очевидно, что на этот раз Россия будет более взвешенно подходить к предоставлению военной помощи, посылая свои войска. Тем не менее, по мнению отдельных исследователей, теперь российские военные могут “отыграть” многое из упущенного российскими политиками” (Панорама (Алматы). 1999. 3 сентября). Поэтому визит министра обороны России И. Сергеева в Ташкент в сентябре 2000 г. был расценен политическими наблюдателями как первый шаг к восстановлению связей между военными ведомствами России и центральноазиатских государств, а возможно, и к расширению военного присутствия России в пограничных районах [13, с. 44].

Безусловно, Россия не останется в стороне от мероприятий по урегулированию ситуации в Центральной Азии. В ходе своего визита в Ташкент российский министр обороны ответил согласием на просьбу помочь оружием и обмундированием: Кыргызстан получил от России военно-техническую помощь в размере 1 млн долл. (Независимая газета. 1999. 30 сентября).

Нравится ли нам расширение российского военного присутствия? Отношение к вопросу (если кто и будет нас спрашивать) лежит в плоскости неоднократно доказанного факта. Для России очень важно, чтобы Центральноазиатский регион был зоной стабильности и динамичного развития, не отягощенной какими-либо внутренними или сопредельными очагами напряженности, открытой для взаимовыгодного международного сотрудничества [14, с. 95].

Очевидно, что и сейчас для всех стран Центральноазиатского региона Россия пока остается важнейшим по всем параметрам соседом и партнером. Она признанный гарант региональной устой-

чивости. Заключенные с Россией дву- и многосторонние (в рамках СНГ) военно-политические договоры создают условия для сохранения внутренней стабильности и продолжения мирного хозяйственного строительства. Общеизвестна стабилизирующая роль российских вооруженных сил в остроконфликтной зоне – Таджикистане и в районе таджикско-афганской границы. Россия намерена сохранить в Таджикистане военное присутствие и выполнять там главную роль в миротворческих операциях, поскольку существует убеждение, что победа исламских экстремистов в регионе поставит под угрозу благополучие русскоязычного населения, нанесет колоссальный ущерб геостратегическим и экономическим интересам России, приведет к распространению экстремистского влияния на другие страны Центральной Азии, на мусульманское население Российской Федерации [15, с. 65].

Факт остается фактом. Российское военное присутствие создается в их интересах для нашей безопасности и вне наших пожеланий.

Выстраивая систему взаимодействия, Кыргызстан неизменно сталкивается с ситуацией двойной зависимости. С одной стороны, отсутствие собственных возможностей воздействия на региональную политическую парадигму. (Очевидно, что именно КР в числе центральноазиатских государств имеет наименьшее влияние. Туркмения – в состоянии достаточной самоизоляции, Казахстан – мощная сырьевая держава, уже во многом завязанная на российскую экономику, Узбекистан обладает сильнейшей в регионе армией, Таджикистан закрыт в силу внутренних проблем). Мы наиболее уязвимы.

С другой стороны, разгром центра международного терроризма в Переднеазиатском регионе неизбежно приводит к смещению интересов ИГ (ДАИШ) к Центральной Азии и по означенным выше причинам – к КР. Имеет ли Кыргызстан потенциал противостояния терроризму? Ответ достаточно очевиден. Сегодня, по различным оценкам, около 400–500 граждан КР воюют на стороне ДАИШ, ГКНБ КР ведет эффективную борьбу по обнаружению сторонников террористической организации, проводит спецоперации по задержанию террористов. К сожалению, усилий государства недостаточно [16].

Только в лице Российской Федерации мы можем найти сколько-нибудь эффективного союзника (тем более при наличии общего врага). Таким образом, именно военное присутствие России в регионе является для КР наиболее привлекательным.

В заключение остается добавить, что ни Китай, ни НАТО не заинтересованы в стабильности

региона (во многом в силу специфики сложившихся на настоящем этапе отношений РФ). Все перечисленное выше позволяет с уверенностью говорить, что, даже если бы у Кыргызстана был выбор, иного пути, кроме налаженных отношений с Россией, у нас физически нет.

Литература

1. *Иванов И.* Внешняя политика России на современном этапе. Концепция политики Российской Федерации / И. Иванов. М., 2000.
2. *Акунов А.* Постсоветский Кыргызстан глазами зарубежных политологов / А. Акунов, В. Кюнтин, В. Прытков, С. Токтомышев. Бишкек, 1998.
3. *Дугин А.* Основы геополитики / А. Дугин. М., 1999.
4. *Poy O.* Центральная Азия набирает мощь / О. Poy // Международная политика (Париж). 1999. Январь-март.
5. *Bremer Jan and Tarras Ray* (eds.). *New States, New politics: Building the post-soviet Nations.* Cambridge, 1997.
6. *Economist Intelligence Unit, Country Profile: Kyrgyz republic, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan.* 1997–1998. EIU. L., 1999;
7. *Fredelich Stazz F.* Making Eurazia, Stable // *Foreign Affairs.* 1996. January-February. № 1. P. 80–82.
8. *Джекшенкулов А.* Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе / А. Джекшенкулов. М., 2000.
9. *Пядухов Г.А.* Государства Центральной Азии: диалог, сближение, интеграция / Г.А. Пядухов. Бишкек, 1997.
10. *Парамонов В.* Формирование геополитической ситуации в Центральной Азии – внешние факторы / В. Парамонов // *Центральная Азия и Кавказ.* 2000. № 1 (7).
11. *Касенов У.* Безопасность Центральной Азии: национальные, региональные и глобальные проблемы / У. Касенов. Алматы: ун-т “Кайнар”, 1998. 280 с.
12. *Разов С.* В новой Центральной Азии / С. Разов // *Международная жизнь.* 1998. № 5.
13. *Бибикова О.* Баткен: наступление мусульманского экстремизма / О. Бибикова // *Центральная Азия и Кавказ.* 2000. № 1.
14. *Таксубаев А.* Россия и Центральная Азия / А. Таксубаев // *Международная жизнь.* 1999. № 3.
15. *Бажанов Е.* Эволюция российской внешней политики в 90-е годы / Е. Бажанов // *Дипломатический вестник.* 1997. № 2.
16. *Акматалиева А.* Далекая близкая угроза / А. Акматалиева // *Студенческое обозрение.* 2016. № 3 (88).